

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

УСТАНОВА АДУКАЦЫІ
«ГРОДЗЕНСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ
ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ»

ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ НАН БЕЛАРУСІ

Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа

Зборнік навуковых артыкулаў

Гродна
ГрДУ імя Я. Купалы
2008

А.Л. Ильин, Пинск, Полесский государственный университет

РОД САПЕГ И ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Принято считать, что великий белорусский государственный деятель Лев Сапега родился в православной семье [22, с. 148]. Чтобы попытаться оспорить эту «безусловную» истину, обратимся к истории церковной унии в Великом княжестве Литовском и к истории краковского гуманистического кружка.

В конце XV в. в Кракове сложился кружок гуманистов-интеллектуалов во главе с поэтом и историком Филиппо Буонаккорси (1437–1496 гг.), известным под именем Каллимах – воспитателя будущих польских королей Яна Ольбрахта, Александра и Сигизмунда Ягеллончиков. Польский историк Ю. Шуйский писал о дружбе

Каллимаха с первым славянским печатником Швайпольтом Фиолем, о том, что издание славянских книг было лишь реализацией возникшей в кругу Каллимаха идеи о соединении «схизмы» и католицизма. И. Фиялек [19, с. 143] прямо говорит, что инициаторами издания первых славянских книг были магнаты ВКЛ, которые хотели унии с Римом, в частности, великокняжеский писарь Иван Сапега и маршалок двора Солтан.

Итак, краковские интеллектуалы уже тогда видели спасение Речи Посполитой в церковной унии. Историк В. Воронин [2, с. 2] пишет: «Пасля некалькіх няўдалых спробаў правесці ў жыццё унійныя планы Ферара-Фларэнцкага сабора, якія былі зроблены на тэрыторыі мітраполіі Кіеўскай і ўсяе Русі на працягу канца 30-х – 70-х гадоў XV ст., гэтыя дзеянні прыпыніліся. Новая іх актывізацыя прыпадае на мяжу XV–XVI стст. Яе ініцыятарамі былі, відаць, асабіста вялікі князь літоўскі Аляксандр і яго найбліжэйшае акружэнне. Аляксандр дамогся таго, каб мітрапалітам Кіеўскім і ўсяе Русі стаў прыхільнік унійнай ідэі Іосіф Балгарыновіч (1498–1501 гг.). Разам яны і распачалі практычныя дзеянні ў гэтым напрамку». Русский историк П.Д. Брянцев [1, с. 305–306] еще раньше отмечал, что в 1498 г. православный митрополит Иосиф Болгаринович и католический епископ Адальберг под опекой великого князя Александра (воспитанника Каллимаха) начали активную деятельность, направленную на объединение православной и католической церквей на территории ВКЛ под властью папы римского. Отметим, что ближайшим соратником великого князя Александра в этом деле и членом краковского кружка был Иван Семенович Сапега, младший брат прадеда Льва Сапег. Историк Н. Гайдук [4, с. 27] писал: «Так, Александр Ягеллончик (сын Казимира) вместе с виленским архиепископом Войтехом Табором и канцлером Иваном Сапегой (неофитом) после таинственной смерти нестигаемого в своей верности православию митрополита Макария в 1497 г. посадили на его место пригетого Сапегой и Табором отступника от православия епископа смоленского Иосифа Болгариновича». Митрополит Макарий прямо называет канцлера королевы Елены Ивана Сапегу главным её совратителем в унию. В. Воронин [2, с. 3] продолжает: «Апагеем дзейнасці вялікага князя Аляксандра і мітрапаліта Іосіфа ў справе уніі было пасольства, накіраванае з Вільні ў Рым напрыканцы 1500 г. Пасламі былі пробашч і канонік віленскі, вялікакняскі сакратар Эразм Цёлак і намеснік жыхморскі, пісар ВКЛ Іван Сапега». Эразм Тёлек – будущий покровитель поэта Николая Гусовского, написавшего знаменитую поэму «Песнь о зубре» по заказу римского папы Льва X. Выскажем гипотезу, что интерес папы к ВКЛ был связан с новыми унийными планами римского престола. Историк церкви Н. Чубатый [17] писал: «Сохранились доказательства про то, что в 3-й четверти XVI в. та ветвь (коденских) князей Сапег, которая позднее перешла было на протестантизм, а потом окончательно на латинство, все ещё держалась восточного обряда в

единстве с Римским престолом. В нескольких приходах там аж до Брестской унии признавали единство Соборной церкви. На надгробиях этих Сапег возле Коденской церкви можно прочесть надпись, что они окончили жизнь в объединённой вере греческой».

Интересно, что в 1491 г. Иван Сапега на Витебщине (родине великого канцлера), в Иказне под Браславом, построил церковь Святого Духа. «Меркавалася, што ў ёй адналькавае права служыць свае службы будуць мець «усе прэсвітэры лацінскія і рускія, што кіруюцца другім лацінскім абрадам» [2, с. 3]. Журналист М. Загорская [5] пишет, что прадед канцлера Богдан Сапега вместе со смоленским епископом Мисаилом Друцким-Пеструцким основал на Черейщине, в селе Белая Церковь, Троицкую церковь, в которой похоронены, кстати, родители Льва Сапег. Украинский историк В. Ульяновский [14, с. 75] пишет: «В марте 1476 г. официально созданный Собор (вероятно, в Новогрудке) избрал Киевским митрополитом Смоленского епископа Мисаила Пеструча (Пеструцкого). (...) обратились 14 марта 1476 г. с посланием к Папе Сиксту IV. Этим посланием признавался наравне с семью Вселенскими также унийный Флорентийский собор (как Восьмой), догмат про *filioque*, главенство Папы, но утверждалось сохранение восточного обряда и равноценность обоих направлений христианства». Возможно, и Сапегі способствовали избранию Мисаила митрополитом. Наверно, не случайно на Черейщине и сейчас бытует легенда, что Троицкую церковь и местный монастырь основали униаты. Выдвинем гипотезу, что Льва Сапегу крестили в «объединённой вере греческой» (как написано на сапеговских надгробиях возле Коденской церкви), то есть он был тогда греко-католиком.

Белорусский философ С. Подокшин [9, с. 271] отмечал большое влияние на канцлера знаменитого проповедника-иезуита Петра Скарги. По мнению философа, именно Скарга повлиял на переход Льва Сапегі из протестантизма в католичество. Не случайно и то, что король Стефан Баторий основал в Вильне академию, где Петр Скарга стал ректором, а Лев Сапега и его потомки щедро финансировали ее. Историк С. Соловьёв [13, с. 392], оценивая роль канцлера в русской смуте, прямо говорил: «... на Сапегу же можно смотреть как на поверенного иезуитов». Этот взгляд чересчур упрощенный, поскольку не был Лев Сапега слепым орудием иезуитов: просто часто их взгляды и цели совпадали и они совместно действовали в деле объединения славян против турецкой агрессии и осуществления церковной унии.

Не следует забывать, что Петр Скарга был одним из теоретиков Брестской церковной унии, а его ученик Лев Сапега столько сделал для ее осуществления и выживания. Белорусский историк унии С. Морозова [8, с. 23] пишет: «Паколькі ў ВКЛ існавалі пэўныя арыентацыі на Расію або Польшчу, выкліканыя канфесійнымі адрозненнямі, Леў Сапега падтрымаў ідэю уніі праваслаўнай і каталіцкай цэркваў. Ён верыў у магчымасць шляхам царкоўнай уніі стварыць новую царкоўную

арганізацыю, незалежную ні ад створанага ў 1589 г. Маскоўскага патрыярхата, ні ад папства. З пашырэннем уплыву уніяцкай царквы Сапега звязваў надзеі на духоўна-рэлігійную кансалідацыю народа, а праз гэта – на ўмацаванне Княства, захаванне яго цэласнасці». Сапега прыняў актыўнае ўдзяленне ў Брэстскім царкоўным саборы. «Так, канцлер ВКЛ Л. Сапега ў «Прамове» на Брэсцкім саборы 1596 г., звяртаючы ўвагу на крызіс Канстанцінопальскай патрыярхіі і залежнасць грэчаскіх патрыярхаў ад турэцкіх султанаў, выступіў за падпарадкаванне праваслаўнай царквы ВКЛ папу рымскаму» [12, с. 27]. Со своей главной задачей как королевского комиссара: недопущение срыва собора и кровопролития – он успешно справился. Лев Сапега прекрасно понимал, что без церковной унии нельзя осуществить и его мечту – унию Речи Посполитой и Московского государства, объединить всех славян в борьбе с турками.

Сапеговский проект унии двух государств предполагал возможность унии Церквей, для чего в состав московского посольства в 1600 г. было включено несколько духовных лиц, в том числе и грек Петр Аркудий, который являлся доверенным лицом канцлера. Грек-униат в своё время занимался подготовкой Брестской церковной унии и непосредственно участвовал в работе Брестского собора. Так вот, этот ученый монах Петр Аркудий вместе со Львом Сапегой упорно искали в Москве библиотеку Ивана Грозного. Что же Аркудий и Сапега надеялись найти в царской библиотеке? Думается, что документы, касающиеся давних униатских традиций в ВКЛ и Московии. Такие документы тогда же искал в самом ВКЛ митрополит Ипатий Потей. «Больш таго, уніяцкую ідэю Кіеўскі мітрапаліт імкнуўся абгрунтаваць навукова-гістарычнымі метадамі. Ён адшукаў дакументы, якія сведчылі пра даўнія уніяцкія традыцыі беларуска-ўкраінскай праваслаўнай царквы, у прыватнасці, пастырскае пасланне Кіеўскага мітрапаліта Ісідора, удзельніка Фларэнцыйскага сабора 1438–1439 гг., якое сведчыла пра прыхільныя адносіны апошняга да уніі. Копію гэтага паслання Пацей у 1602 г. даслаў канцлеру Льву Сапегу. (...) У 1605 г. Пацей апублікаваў на беларускай і польскай мовах знойдзенае ім у Крэўскай царкве пасланне Кіеўскага мітрапаліта Місціла, якое таксама сведчыла пра імкненне праваслаўнага кліра і свецкіх асоб да уніі з рымскай царквой у другой палове XV ст.» [10, с. 32].

Следует вспомнить и о знаменитом письме Льва Сапегі униатскому архиепископу Иосафату Кунцевичу от 12 марта 1622 г., в котором архиепископ осуждался за «страшные преступления» против православных. Белорусский эмиграционный историк В. Пануцевич в своей книге «Святы Язафат» много места уделяет этому письму и довольно аргументированно утверждает, что оно является фальшивкой. Действительно, оригинал письма не существует, что присуще всем сомнительным историческим документам. Польские историки очень осторожны в оценке достоверности письма. С одной стороны, не кричат о

его подложности, а, с другой, К. Ходыницкий в своем фундаментальном труде об истории православной церкви в Речи Посполитой [18] вообще не упоминает о письме, а Э. Ликовский [21, с. 300] считает, что обвинения Сапеги – общи, поэтому не внушают доверия. Т. Жихевич не верит в преступления Кунцевича, а значит – в правдивость содержания письма. Историк считает, что Лев Сапега – «честный и справедливый человек, но он обманут пропагандой врагов унии» [23, с. 87]. Современные польские историки А. Миронович и Т. Кемпа верят в достоверность письма. Однако главный аргумент Т. Кемпы не выдерживает критики: «(...) тем более достоверно, что это письмо написано ревностным католиком и покровителем унии» [2]. На наш взгляд, последний факт как раз усиливает сомнения. Для подтверждения правоты своих взглядов историк публикует найденное им письмо Иосафату Кунцевичу витебского воеводы Яна Завиши. По нашему мнению, это письмо дает больше аргументов в защиту архиепископа. Воевода пишет своему другу, что все население Витебска и городские власти настроены против унии и не выполняют указов (универсалов) короля о передаче православных храмов. Православные так осмелели, что и в самой Вильне, где сильны позиции католиков, зачитывают послания нелегального архиепископа Мелентия Смотрицкого. Поэтому любое насилие по отношению к православным приведет к гражданской войне. Воевода не контролировал ситуацию в Витебске, поэтому не советовал Кунцевичу туда ехать. Владыка и не применял насильственных методов. Он только оглашал указы короля о передаче храмов униатам. Не было у него вооруженных отрядов для захвата церквей. Его оружием были: слово, молитва и закон (другой вопрос – справедливый ли?). Историк церкви, митрополит Макарий [7, с. 411] писал: «(...) предлагали ему взять с собою стражу. Он всё отверг, сказал, что готов принять мученическую смерть и, отъезжая из Полоцка, велел приготовить себе могилу в кафедральном соборе». Православные сами передавали храмы униатам, другой вопрос, что под страхом, боясь королевского гнева. «Хотя потом и отдали отцу владыке несколько церквей, но вынесли из них всякую утварь (...), оставив церкви пустыми» [15, с. 349].

Письмо Льва Сапеги впервые опубликовано в 1793 г. Федором Туманским в его журнале «Российский магазин». Вокруг журнала объединилась группа националистически настроенных людей, близких к будущей императрице Марии Федоровне. К этой группе лиц принадлежал и неизвестный автор еще одной антикатолической и антипольской мистификации – «Истории русов». «Гэты ліст першы раз быў пушчаны ў абарот у 1793 г. (...), якраз у тым часе, калі Кацярына II праводзіла ліквідацыю уніі і трэба было ёй «скампраметаваць» асобу сьв. Язафата» [11, с. 200]. В. Пануцевич считает автором письма известного русского археографа Николая Бантыш-Каменского, который, кстати, причастен к появлению другого сомнительного произведения – «Слова о полку

Игоре́ве». Письмо Сапеги содержит такое множество цитат из Библии, латинских классиков, отцов Церкви и народных поговорок, что кажется – его писал не светский человек, а целый научный институт. Но такой «институт» (кружок Мусина-Пушкина, а может, и два – еще кружок Туманского) по изготовлению исторических и литературных «памятников», похоже, существовал в Петербурге в конце XVIII в.

Церковная уния —любимый и один из наиболее удавшихся проектов великого Льва Сапеги. Поэтому не мог он так оскорблять и унижать унию в «своём» письме. Если бы даже и написал это письмо, то наверняка потребовал его уничтожения. В первую очередь, сам Кунцевич, шедший на смерть, и без приказа сжег бы компрометирующее его письмо. Православный историк М. Коялович, которого трудно заподозрить в симпатиях Льву Сапеге, называет его одним из «беспристрастнейших людей того времени» [6, с. 375]. Тогда, если Кунцевич совершил, по словам Сапеги, столько преступлений против витеблян, то почему так суров приговор, который им вынес сам Сапега. Если Кунцевич — такой страшный человек, то почему после его гибели канцлер посылает письмо римскому папе Урбану VIII с просьбой о признании погибшего святым. После этого 12 ноября 1624 г. он посылает папе новое подобное письмо, но уже вместе с королем Сигизмундом III и наследником Владиславом [16, с. 27]. Сомневаемся, чтобы канцлер мог так подставить короля-покровителя и своего любимца Владислава. В. Панцевич [11, с. 126] писал: «Пасьля абвешчанья Язафата Кунцэвіча сьвятым, гроб яго адведаў канцлер ВКЛ Леў Сапега з сваёй сям’ёй ды надворнай сьвітай, ды ўрачыста прызнаў яго за патрона роду Сапегі...».

Историк И. Войнич [3] пишет: «На гэтым забойстве сучасныя даследчыкі як з уніяцкага, так і з праваславнага боку зарабілі і цяпер зарабляюць шмат палітычных ачкоў, каб прынізіць годнасць сваіх апанентаў». Очевидно, что эта проблема требует дальнейших глубоких исследований, создания специальной ученой комиссии, состоящей из исследователей разных стран и разных вероисповеданий. Перед ней будет много работы: сопоставить разные варианты письма на русском и польском языках, изучить историю создания и появления каждого варианта, сопоставить их с достоверными историческими документами и т.д.

Список источников и литературы

1. Брянецв, П. История Литовского государства с древнейших времен / П. Брянецв. – Вильна, 1889.
2. Варонін, В. Народ нам верны, але ў веры схізматык / В. Варонін // Беларуская мінуўшчына. – 1996. – № 4.
3. Войніч, І. Сільвестр Косаў і Язафат Кунцэвіч – павязь царкоўных іерархаў / І. Войніч // Беларускі гістарычны агляд. – 2000. – Т. 7. – Сш. 2.
4. Гайдук, Н. Брестская уния 1596 года /Н. Гайдук. – Минск, 1996.

5. Загорская, М. Выган у стылі ранняга барока / М. Загорская // Салідарнасць. – 2005. – № 5.
6. Коялович, М. Чтения по истории западной России / М. Коялович. – Минск, 2004.
7. Макарий (Булгаков). История русской церкви. – Кн. 6. / Макарий (Булгаков). – М., 1994.
8. Марозава, С. «Літоўскі сепаратыст» Леў Іванавіч Сапета / С. Марозава // Леў Сапета (1557–1633 гг.) і яго час. – Гродна, 2007.
9. Падокшын, С. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С. Падокшын. – Мінск, 2003.
10. Падокшын, С. Ігачый Пацеў / С. Падокшын. – Мінск, 2001.
11. Пануцэвіч, В. Святы Язафат / В. Пануцэвіч. – Полацк, 2000.
12. Саверчанка, І. Брэсцкая царкоўная унія 1596 года / І. Саверчанка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 12.
13. Соловьёв, С. Сочинения: в 18 книгах / С. Соловьёв. – М., 1989. – Кн. 4.
14. Ульяновский, В. Митрополит Киевский Спиридон / В. Ульяновский. – Київ, 2004.
15. Унія в документах. – Минск, 1997.
16. Хадыка, А. Святы Язафат Кунцэвіч: складанне культу і іканаграфіі ў Беларусі / А. Хадыка // Наша Вера. – 2006. – № 2.
17. Чубатий, М. Історія християнства на Русі-Україні / М. Чубатий. – Рим-Нью-Йорк, 1965. – Т. 2.
18. Chodyński, K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita polska / K. Chodyński. – Warszawa, 1934.
19. Fijalek, I. Początki cenzury przewencyjnej w kościele rzymsko-katolickim i w Polsce / I. Fijalek // Studia Staropolskie. – Kraków, 1985.
20. Kempa, T. Nieznany list wojewody witebskiego Jana Zawiszy do arcybiskupa Jozafata Kuncewicza / T. Kempa // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2001. – № 15.
21. Likowski, E. Unia brzeska (r. 1596) / E. Likowski. – Warszawa, 1907.
22. Sapiehowie. Materiały historyczno-genealogiczne i majątkowe. – Т. 1. – Petersburg, 1890.
23. Zychiewicz, T. Jozafat Kuncewicz / T. Zychiewicz. – Kalwaria Zebrzydowska, 1986.